

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-022.9

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ИДЕЙ Ф. НИЦШЕ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КУБОФУТУРИСТОВ)

В.В. Компанец, К.А. Степаненко

Статья задумана как анализ фактических данных и общей логики истории восприятия философии Ницше в России со времени знакомства российской общественности рубежа XIX–XX веков со взглядами философа вплоть до современной ситуации в отечественном ницшеведении. В фокусе работы – трансформация идей Ницше на российской почве, представленная в общекультурном контексте эпохи, проблема связи кубофутуризма с ницшеанством.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, Велимир Хлебников, витализм, кубофутуризм, нигилизм, сверхчеловек, футуризм.

Редкий мыслитель оказал такое значительное влияние на духовную ситуацию современности, как Ф. Ницше: именно ему удалось поколебать вскормленные идеалами Нового времени представления человека о самом себе как о вершине мироздания, заронить сомнения в правильности избранного пути. С легкой руки немецкого философа одним из самых распространенных мотивов западной культуры рубежа XIX–XX веков становится мотив недостаточности современного человека, необходимости его перехода к более совершенному существу – сверхчеловеку. Идея сверхчеловека – несмотря на то, что многочисленные ее толкования зачастую полярны по смыслу – получает широкое распространение в Европе.

Ощущение кризиса культуры, истощенности ее содержания, переживаемое Западом на рубеже XIX–XX веков, сказывалось и в России. Именно это обстоятельство спровоцировало волну интереса к творчеству немецкого философа. «Ницше открыл дверь, и все желающие кинулись туда без оглядки. Столь быстрая реакция в русской

культуре говорит о том, что этого призыва ждали» [9, с. 57].

Философия Ницше, ставшая ключом к культурному коду новой духовной парадигмы начала XX столетия – века модерна¹, может служить доказательством принципиальной близости отечественного и европейского типов ментальности, взаимосвязи и взаимопроникновения специфических духовно-национальных образований средиземноморской субэкумены². Взаимное обогащение культур – закон бытия мировой истории. Заимствуя у другой культуры то, что отвечает ее собственным запросам, культура-преемница обнаруживает некое избирательное качество между собой и тем, что ею усваивается. Нередко воздействие одной культуры на другую дает импульс к творческому взлету, созиданию не бывших прежде духовных ценностей. Но глубокий и органический культурный синтез может состояться лишь при условии близости предшествующего духовного опыта встретившихся во времени интеллектуальных формобразований. Именно такой творческий характер носило восприятие идей Ницше в России начала XX века. Отечественная культура не пассивно приняла чужое влияние, а откликнулась на то, что отвечало ее внутренним духовным нуждам: «...активное восприятие Ницше в России – это не просто влияние, а судь-

ба» [23, с. 142]. Творчество немецкого философа получило в России специфическую трактовку. Ницше, как он был прочитан российской интеллигенцией, оказался настолько близким традиционной отечественной мысли, что один из ведущих современных славистов назвал его «самым русским» из западных философов [3, с. 45].

Россия была в числе тех стран, в которых учение немецкого философа наиболее быстро получило признание. О Ницше много писали и спорили. Трудно назвать крупного мыслителя конца XIX – первой четверти XX века, который бы оставил без внимания философию Ницше. Его концепция оказала творчески плодотворное воздействие на интеллектуальные направления России той поры: религиозные искания философов-идеалистов, движение символистов и русский марксизм. Способ прочтения Ницше отечественными критиками сформировался, главным образом, в результате интерпретации его творчества такими мыслителями, как В. Преображенский, Вяч. Иванов, Вл. Соловьев, Е. Трубецкой, С. Франк, Л. Шестов. Влияние Ницше на отечественных интеллектуалов сопровождалось и было усилено, с одной стороны, учениями А. Шопенгауэра, М. Штирнера, Р. Вагнера, а с другой стороны, экзистенциальными размышлениями Ф. Достоевского, произведениями М. Лермонтова, К. Леонтьева. Отношение к философу складывалось и посредством популяризации его взглядов через поэтические циклы (Н. Минский, З. Гиппиус), пьесы (М. Горький, А. Луначарский), романы и рассказы ницшеанского толка (Д. Мережковский, П. Боборыкин).

«Русское ницшеанство» не носило характера единодушного принятия идей и сочинений мыслителя. Проникновение творчества Ницше в отечественную культурно-национальную традицию шло через внутреннюю полемику, критику, опровержение и неприятие ряда положений его философии. Да и понимание идей Ницше в России было далеко не единообразным. Едва ли можно говорить о некоем целостном образе Ницше, поскольку каждый отечественный читатель открывал в немецком философе что-то свое. В некоторых кругах имя немецкого мыслителя воспринималось как символ индивидуализма, в других

же, напротив, оно означало духовный универсализм, а порой связывалось с патетикой коллективного творчества, потерей своего «я» в культовом единстве и принесением себя в жертву Богу. Для одних он был исключительно «нигилистом» и «человеком последнего бунта», ломавшим традиционные представления о нравственности, даже «разрушителем исторического христианства». Для других – учителем и творцом «высшей морали», «пророком новой веры», более того – провозвестником идеи религиозного синтеза, новой религиозной культуры. «Как можно было убедиться, – пишет современный исследователь творчества философа Р. Данилевский, – Ницше предстал перед русским читателем в самых разных ипостасях – от богоборца до богоискателя, от идеолога мещанства до врага его и союзника русского освободительного движения, от насаждающего “древо смерти” до проповедующего “радость жизни”» [6, с. 43]. Ф. Ницше вдохновлял на поиск первоценностей: свободы, красоты, творчества, на эксперименты в искусстве, литературе, музыке, кино. Типичным было отношение к философу как создателю нового мировоззрения, талантливому художнику слова, религиозному проповеднику.

Первые попытки представить немецкого философа русскому читателю предпринимаются, собственно, только в начале 90-х годов XIX века, в 1892 году – время выхода в свет очерка В. Преображенского «Фридрих Ницше: критика морали альтруизма», первого специального исследования творчества немецкого мыслителя. А прежде имя философа упоминалось в печати лишь мимоходом, исключительно в связи с характеристикой какого-либо модного автора или умственного движения. Так, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона 1885 года издания имя Ницше отсутствовало, хотя уже были опубликованы и стали известны европейскому читателю такие его работы, как «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» (1872), «Unzeitgemasse Betrachtungen» (1873), «Menschliches, Allzumenschliches» (1878), «Die Morgenrothe» (1881), «Die frohliche Wissenschaft» (1882), «Also sprach Zarathustra» (т. 1–3, 1883–1884). Позже дело приняло вообще курьезный оборот: в вышедшем в

1890 году переводе «Истории новой философии» Ибервега-Гейнце, выполненном Я. Колубовским, в указателе имен немецкий мыслитель фигурировал под двумя именами, принадлежащими якобы абсолютно разным писателям, – Ф. Ниче и Ф. Нитче. Даже в дореволюционной России рецензия западной мысли шла с опозданием на 10–15 лет. В России того времени существовала жесткая церковная цензура, сыгравшая главную роль в относительно позднем знакомстве отечественных читателей с Ницше. Как отмечает А. Лаврова: «Такому редкому по своей страстности и откровенности богохульнику, каким был Ницше, пришлось испытать и эту (цензурный барьер. – В. К., К. С.), специфически российскую форму тирании» [12, с. 289]. Немецкие тексты философа были малодоступны из-за запретов цензуры: некоторые его книги, например, «Человеческое, слишком человеческое» и «Антихрист» вообще были запрещены в России за антирелигиозное содержание. Позже, когда стали появляться первые частичные, а затем и полные переводы произведений мыслителя, отдельные крамольные мысли просто изымались из текстов или же заменялись на «более подходящие», по мнению цензора. Следствием такого положения дел неминуемо являлось нарушение предусмотренной автором композиции, а, следовательно, искажался и сам смысл произведения. При этом все странности и разночтения приписывались душевной болезни философа. Широкая же публика не сомневалась в том, что читает «подлинного» Ницше.

И все же последняя декада XIX века – конец инкубационного периода: Ницше читают, о нем много пишут. Количество публикаций, содержащих критическое осмысление взглядов немецкого мыслителя, а также переводов его работ и переписки, возрастало стремительно. Уже к концу первой декады XX века в России насчитывалось более ста статей и монографий, посвященных творчеству немецкого философа, было издано около ста пятидесяти переводов его прозаических, стихотворных текстов и произведений эпистолярного жанра. В то время не было другой страны – помимо, разумеется, Германии, – где Ницше был так известен и обсуждаем, как в России. Сочинения деятелей русского модер-

на испещрены явными или скрытыми цитатами из произведений философа. Его предчувствия и предвестия новой парадигмы культуры, идущей на смену классической духовности, презрение к обыденной жизни, призыв к переоценке всех ценностей – все это оказало долговременное, до сих пор сказывающееся в современной интеллектуальной жизни России воздействие на отечественную мысль.

Итак, дебют Ф. Ницше в России пришелся на время, когда наиболее распространенные у нас в минувшем столетии философские доктрины – антигегельянский позитивизм и материализм шестидесятых годов XIX века, а также народничество семидесятых, утратили свою интеллектуальную привлекательность. Марксизм только еще начинал завоевывать сторонников среди отечественной интеллигенции. Таким образом, никакого доминирующего идеологического направления в России тех лет выделить практически невозможно. Между тем становилось все более очевидным зарождение новой философской мысли, ломавшей установленные позитивистами и рационалистами узкие моралистические рамки, которые считались единственно подходящими для «прогрессивной и критической мысли». Такая переориентация взглядов русской интеллигенции не была вызвана каким-нибудь единичным событием или появлением одной выдающейся личности. «У людей открывались глаза на вещи, доселе от них скрытые. Молодежь стали очаровывать цвет, звук и мистические интуиции, утраченные предшествующими поколениями. Сыновья стали открывать ценности, отброшенные их отцами. Старая крепость российского позитивизма начала рушиться под натиском молодых поэтов, критиков, художников, философов и богословов» [7, с. 103]. В идейно разреженной атмосфере эпохи возник спрос на яркую, сильную, влиятельную идеологию и философию.

Огромное значение философии Ницше в духовных исканиях российских мыслителей имело еще одну причину, которую следует выделить особо. Восприятие творчества Ницше способствовало европейской славе русской мысли, ее прорыву из тупика провинциализма. На протяжении всего XIX века российская культура пыталась доказать свое обще-

европейское, шире – мировое значение. Вспомним, как болезненно и противоречиво решалась эта проблема Ф. Достоевским. Однако настоящее мировое признание русская культура получила лишь в конце прошлого века. В определенной степени это было связано с популярностью у западного читателя книг Ницше. Он был одним из немногих писателей XIX века, имеющих европейскую известность, кто открыто признавал влияние на свое творчество мыслителей России. Ницше интересовался произведениями великих отечественных писателей – Гоголя, Толстого, Тургенева, Пушкина. Имя русского писателя упоминалось Ницше неоднократно (см. «Происхождение морали», «Сумерки богов», «Воля к власти», переписка с Брандесом). Интересными и важными казались почитателям немецкого мыслителя его высокие оценки роли России в будущем: «Мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться с евреями и с русскими как наиболее надежными и вероятными факторами в великой игре и борьбе сил» [16, с. 370]. Таким образом, немецкий философ засвидетельствовал универсальное значение русской культуры, ее органическую включенность в культуру Европы.

Эволюция восприятия творчества Ф. Ницше в России прошла ряд этапов, которые можно обозначить как «ознакомительный», «вольной интерпретации», «опосредованного влияния» и «возвращения» философии Ницше [22]. Эти периоды различаются главным образом смысловыми акцентами интерпретации учения немецкого мыслителя. Говоря о хронологической последовательности этих периодов, важно иметь в виду, что определенные истолкования ницшевской концепции порой сосуществовали параллельно. Так, В. Брюсов на всех этапах своего творческого пути оставался верен художественному эстетизму, в то время как А. Шестов был поглощен религиозно-метафизической проблематикой, А. Луначарский – культурологическими, а Н. Михайловский – социокультурными вопросами.

Первый этап (ознакомительный) относится к девяностым годам XIX века. Для этого времени характерны острые дискуссии о нрав-

ственной природе нищезанятия, полемическое обсуждение моральных, эстетических, психологических проблем. Знакомство отечественного читателя с концепцией Ницше состоялось главным образом посредством пересказа содержания его книг в критическом изложении на страницах толстых журналов и газет. Особую известность в эти годы получили оценки философии Ницше, высказанные в работах В. Преображенского, Н. Михайловского, Вл. Соловьева, Н. Федорова, Л. Лопатина, Н. Грота, В. Чуйко, А. Вольнского, Д. Цертелева. К данному периоду относятся первые публикации на русском языке переводных исследований по философии Ницше – монографий Лу Андреас-Саломе (1896), Ф. Рилья (1897), Л. Штейна (1888), Г. Зиммеля (1899), А. Лихтенберже (1899). Широко известна была в ту пору книга М. Нордау «Вырождение» (1894), содержащая резкую критику учения Ф. Ницше. Появились первые опыты осмысления и использования идей Ницше в художественных сочинениях (роман П. Боборыкина «Перевал», 1893).

Второй этап (вольной интерпретации философии Ницше) охватывает первую четверть XX века. Рубеж столетий – пик популярности философии Ницше в России. В 1900 году опубликовали первое собрание его сочинений на русском языке под общей редакцией А. Введенского (Собр. соч. : в 8 т. М., 1900; 2-е изд. : в 9 т. 1902–1903). В 1909 году было начато издание полного собрания сочинений Ницше под редакцией Ф. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинского, Я. Бермана и при сотрудничестве А. Белого, В. Брюсова, М. Гершензона (Полн. собр. соч. М. : Моск. книгоизд-во, 1909–1912. Т. 1–4), которое осталось незавершенным. Учение Ницше, наряду с философией Вл. Соловьева, оказало катализирующее воздействие на деятелей Русского духовного ренессанса. В центре внимания оказались философские, религиозные, экзистенциальные и историкокультурные вопросы. Это было время выхода в свет отечественных монографий, содержащих всесторонний анализ философии Ницше: «Философия Ф. Ницше: критический очерк» кн. Е. Трубецкого (М., 1904). «Философия Ницше и его произведения» В. Битнера (СПб., 1904), «Трагедия Ф. Ницше: опыт психологии личности» Г. Рачинского (М., 1900). Появились

серьезные исследования, главной темой которых стало сопоставление концепции Ф. Ницше с творчеством известных российских мыслителей, главным образом Ф. Достоевского и Л. Толстого. Данной теме посвящены труды Л. Шестова, Д. Мережковского, Г. Рачинского, В. Щеглова. Публиковалось значительное число художественных произведений (М. Арцыбашев, А. Вербицкая, М. Горький, В. Крыжановская, Д. Мережковский), в которых главными героями были ницшеанцы.

Третий этап (опосредованного влияния философии Ницше), относящийся к 1920–1970-м годам, характеризуется ослаблением серьезного внимания к наследию философа. Главным образом это явилось результатом проводимой в Советской России «культурной политики», частью которой стало запрещение работ немецкого мыслителя. В 1923–1924 годах книги Ницше были фактически изъяты из библиотек. Единственным аспектом его творчества, получившим резонанс в Советской России двадцатых годов, была философия культуры, в особенности интерпретация античности. Эта тема присутствовала в работах Ф. Зелинского, В. Вересаева, А. Лосева. Во время Второй мировой войны отношение к наследию немецкого философа стало сугубо негативным. Его имя воспринималось как синоним фашизма, поскольку теоретики национал-социализма использовали отдельные положения мыслителя для проповеди расизма и насилия. Возник целый корпус текстов³, в которых творчество Ницше, на основании ряда вырванных из контекстов цитат, объявлялось «идейным базисом фашистской идеологии». В последующий период, вплоть до восьмидесятых годов нынешнего столетия имя Ф. Ницше практически было исключено из повседневного философского дискурса. Причиной тому стало табу на произведения немецкого философа, провозглашенное большевистской идеологией. Свободные от ходячих идеологических стереотипов и штампов исследования и интерпретации сочинений Ницше грозили смертельной опасностью их авторам. В период с 1920-х до конца 1980-х годов произведения Ницше не переиздавались в России. Можно констатировать, что эти годы были фактически потеряны для отечественного ницшеведения. В 1960-е годы единственным крупным официально признанным специалистом по философии Ницше являлся С. Одуев, в оди-

озно-официозных статьях сохранявший имя философа на страницах советской философской литературы. Событием огромной важности стала публикация в четвертом томе знаменитой «Философской энциклопедии» (1967) статьи о Ницше А. Михайлова.

Четвертый этап – «возвращение» философии Ницше. В 1980–1990-е годы, по мере ослабления идеологического прессинга, ситуация начала понемногу меняться к лучшему. Складывалось новое поколение ницшеведов, расширился круг поднимаемых ими в исследованиях проблем. Наиболее заметный след в отечественной ницшеане оставили Ю. Давыдов, А. Михайлов, К. Свасьян, Р. Данилевский, М. Коренева, П. Гайденок, В. Подорога, А. Лаврова, А. Мочкин.

Учение Ф. Ницше во многом трансформировало эстетику и сформировало ту духовную атмосферу, в которой зародилось одно из самых радикальных течений в искусстве XX века – футуризм.

Связь ницшеанства с футуризмом очевидна, так как в последнем находят отклик идеи немецкого философа: учение о сверхчеловеке, нигилизм, витализм, «вечное возвращение» и «вечное становление». Причем идеи эти не копируются буквально, но творчески преобразуются.

Прежде всего совпадают представления Ницше и футуристов о человеке. Их концепция мира антропоцентрична, их пафос – вернуть людям веру в собственное величие и силы. Футуризм – это гимн человеку, стремящемуся раздвинуть рамки своего бытия, рвущемуся из этих рамок навстречу совершенству (в том смысле, каким оно виделось футуристам), то есть «новому человеку». В терминологии Ф. Ницше – это гимн сверхчеловеку.

Центральным положением мифа о «новом человеке» стала переходность современного человека. Ф. Ницше подчеркивал: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*» [17, с. 9]. Футуристы также программно утверждали переходность нынешнего состояния человека. В. Хлебников предлагал «углубиться в искусство сочетания племен и выводки новых для нужд земного шара» [24, т. 2, с. 204].

Сами себя футуристы последовательно называли «новыми людьми». «Мы новые люди новой жизни», – заявляли они в одном из своих манифестов [20, с. 52]. «Футуризм не школа, – подчеркивал Д. Бурлюк, – это новое мироощущение. Футуристы – новые люди» [2, с. 63]. Поэтому для футуристов «новый человек» – это не только рационально сконструированный образ их теории и персонаж искусства, это также человеческий тип, культивирующийся в самом «стиле» действий и поведения, отражающийся в том внутреннем, психологическом «пейзаже», который создает футуристическое искусство.

Интересен и еще один аспект этой темы. В творчестве Хлебникова устойчивый образ, связанный с человеком, – молния. Человек понят поэтом как «световое явление» [24, т. 3, с. 246], его природа – «молниинно-световая» [там же, с. 247]. Этот мотив самым непосредственным образом соотносится с темой «нового человека» и имеет прямую аналогию у Ф. Ницше: «Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но молния называется *сверхчеловек*» [17, с. 11]. Кроме того, в «Воззвании Председателей земного шара» будетлянского знамя Хлебникова также воспроизводит этот образ:

Перерезанное красной молнией
Голубое знамя безволода,
Знамя ветренных зорь, утренних солнц
Поднято и развеивается над землей,
Вот оно, друзья мои! [24, т. 3, с. 227]

Параллель, напрямую связывающая этот мотив с темой абсолютного преобразования мира и рождения нового человека, может быть отмечена в тексте Апокалипсиса, где Второе Пришествие Христа символизирует молния от края неба до края. Для футуристов этот «апокалипсис» совершается внутри природы, тела, магически преобразуя материю. Проблески «космического сознания», воплощающие эту мистику материи, подобны вспышкам электрического разряда, возникающим внутри природного мира, материи. Для футуризма отождествление «нового человека» с энергетическим потенциалом, заключенным в природной стихии и в космосе, имело принципиальное значение.

Футуристов интересует в первую очередь трансформация не внешнего мира, но сознания человека. Неудовлетворенность реальностью вынуждала их обращаться к поискам первоистоков, первосмыслов бытия; они стремятся возвратиться к Первоединому, ко временам до истории. Возникает устойчивый круг мотивов, комплекс сюжетов, удачное название которому дал в своих работах М. Элиаде – «миф истока» [25].

Человечество возвращается к своим истокам, чтобы начать все сначала. Цель футуризма – прорыв к бытию, возврат к нему: сквозь многочисленные картины мира, созданные рациональным мышлением, в мир как таковой.

Через символическое возвращение к первоначалам человек мог уклониться от давления исторического времени, освободиться от сковывающих пут культуры. «“Дикий человек”... это возврат к природе и, в известном смысле, восстановление человека, его излечение от “культуры”» [15, с. 324]. Средствами этого освобождения стали алогичное искусство и заумный язык. Язык, погруженный в историческое время, неизменно описывается как угасающий или мертвый.

Концепция нового языка у будетлян часто программно формулируется через возврат к первоначальным состояниям.

Мотив возвращения через опыты словотворчества и заумной речи к началу, к истоку – к скрытому и забытому в современном мире райскому языку или языку золотого века достаточно устойчив у футуристов. Сам мотив возведения слова к его истоку, возвращения языку его первоначальной силы – называя, вызывать вещи к жизни – содержит в себе тоску по утраченному райскому состоянию человека, отсылая к известному месту из Книги Бытия, где Адам дает в раю имена всему природному миру. Футуристическое словотворчество открывает возможность для восстановления этой ситуации первоначала или, как пишет В. Хлебников, «дает право населить новой жизнью... оскудевшие волны языка. Верим, они снова заиграют жизнью, как в первые дни творения» [24, т. 3, с. 248]. Подобные же мотивы можно отметить в «Декларации слова как такового» А. Крученых: «Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена» [10, с. 63].

Таким образом, русский футуризм направлен и в будущее, и в прошлое. Возврат к мифологическому истоку близок идее «вечного возвращения» Ф. Ницше. «Вечное возвращение есть... созвучие космической воле, восприятие бытия... как единого целого, не делимого на оппозиции добра и зла, красоты и уродства» [5, с. 394]. Футуристы исповедуют идею вечного возвращения, слияния человека с миром. Таким образом, «новый человек» ориентирован «не на преодоление природного в человеке, но на погружение в стихию природного» [1, с. 81].

В идеях футуризма находит свое продолжение и витализм Ницше. Не случайно одним из излюбленных образов футуризма становится земля. Мистикой земли проникнут роман Е. Гуро «Бедный рыцарь». Его героиня говорит о существовании Духа земли: «...от земли идет сияние, как от Св. Духа. И узнала / поняла, / что земля святая» [4, с. 174]. Выразителем этого Духа земли становится «новый человек». Эта же тема звучит у Хлебникова: «И не в нас ли воскликнула земля: “О, дайте мне уста! Уста даете мне!” <...> И останемся ли мы глухи к голосу земли: “Уста дайте мне! Дайте мне уста!”» [24, т. 3, с. 138–139]. Земля для футуристов – это воплощение всей совокупности природного мира. Именно через слияние с ним, через растворение в стихии природного возникает новый человек. Ницше также призывал к верности земле: «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» [17, с. 8]. Земля у Ницше – материнское лоно всех вещей, исток созидания всех форм; она дает вещам очертания, образ и время. Земля – творческая, созидательная сила. Человек должен искать истину не в мире обманчивых идей, а в том, что не вызывает никаких сомнений – в самой жизни. Приняв этот мир, человек открывает, что его сущностью является воля.

Со сверхчеловеком Ф. Ницше «нового человека» футуристов роднит прежде всего гипертрофированная воля и стремление находиться «по ту сторону добра и зла».

Сверхчеловек Ф. Ницше представляет собой новую породу людей, пребывающих «по ту сторону добра и зла», любых традиционных ценностей, включая мораль. «Мо-

раль, обращенная... против жизни, есть путь вырождения человеческого духа, уничтожения самой воли к жизни», – писал немецкий философ [17, с. 730]. Сверхчеловек – это тот, кому дозволено все, кто отказался от диктата разума, от однозначности оценок и стабильных ценностей. Только в сверхчеловеке может быть преодолено психологическое и физиологическое вырождение современного Ницше европейца. В сверхчеловеке – спасение от главной беды Запада: декаданса культуры, ее упадка.

Русские футуристы отказываются от индивидуализма во имя коллективизма. Сыграла ли свою роль специфика русского менталитета или духовная атмосфера России того времени, сформированная во многом русской религиозно-философской традицией, но кубофутуристы провозглашают создание нового человека делом коллективным. Они декларируют скоординированные коллективные усилия во всех сферах деятельности. Таким образом, в русской интерпретации, вопреки Ницше, путь к новому человеку лежит через свободу воли и коллективизм.

Вслед за Ницше футуристы могли бы сказать о себе: «Я динамит. <...> Я противоречу как никто не противоречил и, несмотря на это, я противоположность негативного духа» [18, с. 762–763]. Однако упреки в нигилизме становятся несостоятельными, так как одряхлевшие ценности отрицаются не во имя одного лишь отрицания, а во имя утверждения новых ценностей.

Действительно, за Ф. Ницше и футуристами закрепилась слава разрушителей ценностей. Культура наделяется ими негативными характеристиками, потому что это сила, разрушающая связь с «истоками». Обретшая книжную, овеществленную форму, культура становится ложным началом, удаляющим человека от изначального и, соответственно, истинного состояния. Такое неприятие объясняется общим для эстетики Ницше и футуристов принципом избытка энергии. Именно отсюда возникло неприятие к музеям, библиотекам, то есть институтам, концентрирующим в сфере культуры обратный принцип – принцип накопления. Футуризм настаивал на необходимости растраты, расточения творчес-

кой энергии, утверждая тем самым господство настоящего момента, актуальной реальности. Результатом этого был не только «бешеный» стиль футуристических выступлений, но и тяготение к эфемерным формам искусства, символизирующим это расточительство творчества. «Речетворцы должны бы писать на своих книгах: прочитай – разорви!» [21, с. 57] «Книга? Нет: что толку в книгах! В этих шлаках мертвых миров!» – писал Ницше [14, с. 812]. Его слова находят отклик в концепции антикнижности В. Каменского: «Книгу в искусстве (мертвая форма словопредставления посредством бумаги и шрифта) – совершенно уничтожить, а перейти непосредственно к искусству жизни, помещая стихи и мысли на заборах, стенах, домах, фабриках, крышах, на крыльях аэропланов, на бортах кораблей, на парусах, на небе электрическим свечением, на платьях» [8, с. 6]. Культуроборческие мотивы проскальзывают и в творчестве В. Хлебникова: «Я тоскую по большому костру из книг. Желтые искры, белый огонь, прозрачный пепел, разрушающийся от прикосновения и даже дыхания, пепел, на котором еще можно прочесть отдельные строки, слова похвалы бы или высокомерия – все это обращается в черный, прекрасный, изнутри озаренный огнем цветок, выросший из книги людей, как цветы природы растут из книги земли, хребтов ящеров и других ископаемых» [24, т. 3, с. 159]. Вся система творчества Хлебникова – его «избыточность», его бесконечная вариативность и его легендарное невнимание к судьбе своих рукописей – демонстрирует господство принципа расточительства.

Для культуры, ставящей во главу угла именно производство и накопление определенного продукта, тенденции, проявившиеся в футуристическом движении, безусловно, получали негативную окраску, прочитывались как жесты агрессии, угрожающие основам ее существования.

Герою и Ницше, и футуристов – человеку вне традиций, вне установленных обществом аксиологических оценок – предстоит сотворить новые смыслы. Собственная свободная воля заменяет ему чувство долга и является источником и оправданием его существования. Сверхчеловек, исполненный воли, творит новые смыслы земного.

Близость Ф. Ницше и футуристов проявляется и в их отношении к языку, в их работе над словом. «Бесконечные неологизмы, игра слов, охота за корнесловием, заумь... Звук как провокатор, опрокидывающий семантику», – все это, по мнению Н.К. Свасьяна, присуще стилю немецкого философа [21, с. 771].

Итак, футуристов связывает с Фридрихом Ницше как генетическое родство, так и типологическая близость, которые проявляются и на идейном, и на образном, и на языковом уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «модерн» используется в научной литературе в разных значениях. В широком смысле он обозначает период, длящийся с Нового времени, суть которого состоит в процессе глубинных преобразований первооснов традиционного общества (об этом см.: [13, с. 129]). Мы же употребляем его в специальном значении, для определения новых направлений в литературе, искусстве, «стиле жизни» начала XX века, характеризующихся разрывом с традициями реализма и классицизма, стремлением к синтезу искусств. В России особенно сильна была связь модерна с религиозным символизмом.

² Понятие «субэкумена» ввел в лексикон отечественной культуры Г.С. Померанц: «Культурный мир, основанный на единой, самостоятельно выработанной, религиозно-философской традиции, я назвал субэкуменой» (см.: [19, с. 41]).

³ См.: Б. Бернадинер «Ницшеанство в идеологии фашизма»; Б. Быховский «Ницше и фашизм»; И. Лежнев «Пророк империализма»; Г. Лукач «Ницше как предшественник фашистской эстетики»; М. Митин «“Идеология” фашистского мракобесия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринская, Е. А. Русский авангард: истоки и метаморфозы / Е. А. Бобринская. – М. : Пятая страна, 2003. – 304 с.

2. Бурлюк, Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Д. Бурлюк. – СПб. : Пушк. фонд, 1994. – 383 с.

3. Гройс, Б. Е. Поиск русской национальной идентичности / Б. Е. Гройс // Россия и Германия: опыт философского диалога. – М. : Медиум, 1993. – С. 42–50.

4. Гуро, Е. Г. Небесные верблюда. Избранное / Е. Г. Гуро. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 288 с.
5. Гурьянова, Н. Эстетика анархии в теории раннего русского авангарда / Н. Гурьянова // Вопросы искусствознания. – 1996. – № 2. – С. 392–401.
6. Данилевский, Р. Ю. Русский образ Ф. Ницше / Р. Ю. Данилевский // На рубеже XIX–XX вков. – Л. : Наука, 1991. – С. 5–44.
7. Зернов, Н. М. Русское религиозное возрождение XX века / Н. М. Зернов. – Париж : YMCA-PRESS, 1974. – Т. 1. – 382 с.
8. Каменский, В. Его-моя биография великого футуриста / В. Каменский. – М. : Гилея, 1918. – 94 с.
9. Карлинский, В. В. Фридрих Ницше и Константин Леонтьев. Судьба идей / В. В. Карлинский // Фридрих Ницше и русская философия : материалы II Всерос. науч. заочн. конф. – Екатеринбург : Изд-во Екатеринбург. ун-та, 2000. – С. 56–62.
10. Крученых, А. Декларация слова как такового / А. Крученых // Манифесты и программы русских футуристов. – Мюнхен : Wilhelm Fink Verl., 1967. – С. 61–64.
11. Крученых, А., Хлебников, В. Слово как таковое / А. Крученых, В. Хлебников // Манифесты и программы русских футуристов. – Мюнхен : Wilhelm Fink Verl., 1967. – С. 56–60.
12. Лаврова, А. А. Лук и лира Ф. Ницше / А. А. Лаврова // Путь. – 1994. – № 6. – С. 289–302.
13. Мотрошилова, Н. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции / Н. Мотрошилова // Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М. : КАМІ, 1995. – С. 112–165.
14. Ницше, Ф. Веселая наука / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 491–719.
15. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884–1888) / Ф. Ницше. – М. : Транспорт, 1994. – 374 с.
16. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 238–406.
17. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Ницше Ф. Соч. : В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 5–237.
18. Ницше, Ф. *Esse Homo* / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 693–769.
19. Померанц, Г. С. С птичьего полета и в упор / Г. С. Померанц // Мировое древо. – 1992. – № 1. – С. 35–49.
20. Садок Судей // Манифесты и программы русских футуристов / Судей Садок. – Мюнхен : Wilhelm Fink Verl., 1967. – С. 51–55.
21. Свасьян, К. А. Примечания / К. А. Свасьян // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 769–827.
22. Синеокая, Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение / Ю. В. Синеокая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.nietzsche.ru/around/a17_1.html.
23. Страда, В. Между Марксом, Ницше и Достоевским / В. Страда // Страна и мир. – 1989. – № 2. – С. 141–147.
24. Хлебников, В. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Хлебников. – СПб. : Акад. проект, 2001.
25. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – СПб. : Алатейя, 1998. – 249 с.

THE THEORETICAL ASPECTS OF THE PERCEPTION OF F. NIETZSCHE'S IDEAS IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF KUBOFUTURISTS' CREATIVE)

V.V. Kompaneets, K.A. Stepanenko

The article of V.V. Kompaneets and K.A. Stepanenko is intended as an analysis of actual data and the overall logic of the history of Nietzsche's philosophy perception in Russia since public foreign dating XIX–XX centuries with views of the philosopher down to the current situation in the domestic science. The focus of the work is the transformation of Nietzsche's ideas on Russians soil, presented in the general cultural context of the era, the problem of communication with the kubofuturism and Nietzscheanism.

Key words: *Friedrich Nietzsche, Velimir Khlebnikov, vitalism, kubofuturism, nihilism, superman, futurism.*